

Roman Mnich

DOI: 10.15290/sw.2025.25.07

Uniwersytet Warszawski
e-mail: r.mnich3@uw.edu.pl
ORCID: 0000-0003-3384-2821

Федор Достоевский и деконструкция русской классики в украинском контексте

Ключевые слова: Федор Достоевский, деконструкция, русская классика, украинская литературная критика, украинская эмиграция

Но из грехов своей родины вечной
не сотворить бы кумира себе...

Булат Окуджава, *Песенка о Моцарте*

После февраля 2022 года в Европе и в Северной Америке, не говоря уже об Украине, изменилось (и продолжает меняться) отношение к классическим русским писателям, которых обвиняют в воспитании того поколения россиян, которое начало и поддерживает войну России с Украиной. Такой взгляд на русскую классическую литературу поддерживают и сегодняшние российские эмигранты [Эпштейн 2023]. Война актуализировала давние дискуссии, связанные с постколониальным прочтением русской классики [Tompson 2000], а в самой Украине спровоцировала тотальную дерусификацию и привела к изъятию из школьных программ и полному запрету практически всех русских писателей, сношения памятников – знаков прошлой империи (российской и советской), переименования улиц и городов. Сегодняшние украинские интеллектуалы (Оксаны Забужко, Вира Агеева, Андрей Курков)

в Украине и за ее пределами очень часто рассуждают о вине именно русской классической литературы в сложившейся ситуации, ярким примером в этом плане может быть статья Андрея Куркова *Російські класики як співавтори культу сокири та безкарності* [Курков 2024].

Проблема имперского дискурса русской литературы не является новой. Сегодня можно говорить о разных подходах к изучению и интерпретации этого дискурса, и не только в русле постколониальных исследований. Многие факты из истории русской литературы свидетельствуют о том, что вопрос об имперском дискурсе как фундаментальная проблема ее развития возник задолго до появления постколониальных теорий в XX веке. Достаточно вспомнить спор Александра Пушкина и Адама Мицкевича в XIX веке (не только лирику польского поэта, но и текст драмы *Dziady* с известным стихотворением *Do przyjaciół Moskali*), или еще раньше – переписку Андрея Курбского с Иваном Грозным. Постколониальные стратегии уже в наше время только актуализировали саму проблему имперского и тоталитарного дискурса русской литературы и российской истории [Bakula 2020; Matusiak 2013], выдвинув также и вопрос о создании новой истории русской литературы [Fast 2023; Weststeijn 2023]. В таком контексте особое значение приобретает проблема нового прочтения русской классики, ориентированного на такую деконструкцию текстов, которая бы могла со всей полнотой и сложностью не только обнаружить упоминаемые выше имперский и тоталитарный дискурсы, но и адекватно их интерпретировать. Понятие *деконструкции* в таком контексте отражает как предложенные Жаком Деррида стратегии анализа текстов (то есть разрушение стереотипов и включение в новый контекст), так и возможности нового взгляда на классику.

Осознание проблемы ответственности русской классической литературы за все, что происходит в России, характерно также для нынешнего поколения русских литераторов. Хорошим примером здесь может быть роман *Табия тридцать два* (2024) современного автора Алексея Конакова – произведение, в котором вопрос о русской классической литературе «снимается» в гегелевском понимании. События в этом произведении разворачиваются в 2081 году, после апокалиптических для России изменений, когда страна оказывается изолированной от всего остального мира. Во всех бедах обвиняют

русскую литературу – произведения, которые предусмотрены школьными программами как обязательные для изучения. Роман рассказывает о том, как в такой ситуации кардинально меняют школьные программы, изымают все литературные произведения, а вместо них в круг обязательного обучения вводят шахматы и классические шахматные партии. Такая дистопия А. Конакова имеет ярко выраженный антиимперский характер: вместо романов Федора Достоевского, Льва Толстого, Ивана Тургенева ученики изучают способы мышления и партии виднейших шахматистов – Анатолия Карпова, Бориса Спасского, Михаила Ботвинника. В произведении речь как бы не идет напрямую о том, что в судьбах России виноваты русские классики, но эта вина подразумевается, а представленные события отражают критическое отношение автора именно к русской классической литературе. Роман *Табия тридцать два* был опубликован в 2024 году, хотя в произведении описываются события, связанные с поражением России в войне и с последствиями такого поражения – изоляцией в мире. Именно поэтому длящаяся до сегодня война России с Украиной только актуализирует идейный смысл романа.

Возвращаясь к проблемам деконструкции русской классики второй половины XIX века, необходимо вспомнить, что первые попытки ее критики появились сразу же после 1917 года. Тогда многие российские интеллектуалы обвиняли русскую литературу в том, что это именно она подготовила поколение революционеров и террористов, ставшее на сторону большевиков и осуществившее государственный переворот и расстрел императорской семьи. После 1917 года в творчестве Достоевского русские эмигранты видели как пророчество свершившейся катастрофы, так и надежды на возрождение России:

Для большинства русских эмигрантов первой волны эмиграции Достоевский стал духовной родиной. Именно тогда в русской эмиграции сложился взгляд на Достоевского как на пророка, в произведениях которого можно найти предсказание не только уже свершившейся катастрофы, но и предвидение неминуемого религиозного и социального возрождения русского народа [Белов 2006, 154].

Все видные философы русского зарубежья видели в романе Достоевского *Бесы* некий идеологический и социальный проект, который

большевики воплотили в жизнь. Поэтому критика русской классической литературы тогда была весьма широкой: от известных одесских лекций Ивана Бунина 1919 года, озаглавленных *Великий дурман*, до *Тезисов против Достоевского* 1932 года, написанных забытым сегодня философом и публицистом Георгием Ландау [Ландау 1932]¹.

Обусловленное контекстом русско-украинской войны, сегодняшнее восприятие русской классики имеет несколько аспектов, но в любом случае оно находится между двумя полюсами: с одной стороны – это абсолютное отождествление русской классики (шире – русской культуры) с империей зла, констатация полной ответственности классики за эту войну, а с другой стороны – это тенденция размежевания ценностей русской классической литературы и идеологии сегодняшней военной пропаганды. Что особенно важно в этой ситуации, что адепты и первого, и второго взглядов не обязательно принадлежат к интеллектуалам одной из воюющих стран. Отмечу также, что больше всего парадоксов и сложностей, представляющих переосмысление текстов и разнообразие рецепции, связано с творчеством Достоевского, совмещающим противоположные аксиологические полюса: с одной

¹ Г. Ландау считал, что основанная тема Ф. Достоевского – это «область пороков и страданий, зла человеческой жизни и души, проблема его преодоления и оправдания», «судьба человека и человечества, пребывающего во зле и страданиях – такова тема Достоевского». Критика Ландау зиждится на том, что Достоевский не видел в жизни созидательного добра и созидательной красоты, вообще проблема созидания, творчества, работы – это не его проблемы. «Поразительно, как *чужда идея творчества творчеству Достоевского*, хотя бы и при самом распространительном понимании этого слова, *как созидания, строительства, работы*. В огромной галереи выведенных Достоевским лиц и описанных им событий – мы находим, конечно, множество разных образов и деяний. Все же поражает, в какой мере *преобладают среди них люди полной или преимущественной праздности*; целые произведения буквально таковыми сплошь исчерпываются... Если же кто чем и занят, то его занятие остается где-то за кулисами рассказа. Герои Достоевского бесконечно друг друга посещают, ходят от одного к другому, неограниченно разговаривают (притом удивительно многословно), нередко умно и проникновенно рассуждают, фантазируют, ставят проблемы, друг друга ловят и подстерегают, часто оскорбляют, унижают и унижаются, от времени до времени насилуют и изредка убивают. Но очень редко они что бы то ни было «делают», строят, устраивают... Поэтому так чужда и непривлекательна для Достоевского современная Европа, весь пафос которой (в его время впрочем, еще не вполне выявившийся) именно и состоит в безоглядном творческом устремлении, созидательном разбеге» [Ландау 1932, 149–150; курсив в цитате мой].

стороны, проповедь высшей правды (слезинки невинного ребёнка) и христианских ценностей, а с другой стороны, откровенный шовинизм и ксенофобия.

Очевидно первым исследователем, который увидел внутреннее противоречие Достоевского в том, что он не просто соединяет противоположности, но проповедуя сакральное, оправдывает в какой-то мере профанное, был Андрей Белый (позже об этой равноправности мнений, но уже с другой точки зрения, говорил и писал Михаил Бахтин):

Трагедия творчества Достоевского в том, что он *одинаково вносит в него и «громовый вопль восторга серафимов», и свиное хрюканье; и даже имеет смелость оправдать это хрюканье устами Дмитрия Карамазова, будто и оно, хрюканье, есть природа; а природа, земля и Божество – одно. Нет, тогда заподозрим мы искренность Достоевского в панегирике природе у Дмитрия Карамазова, либо заподозрим мы эту искренность у Зосимы. И, должно быть, старица, шепнувшая Шатовой, что «Богородица есть мать сыра земля», была тоже «бесовской», и недаром сослали ее в монастырь за пророчествование. В реве, свинстве и вопле земли, как и в благоухающих цветах святости, которыми оделяет ее Достоевский, те же два рядом стоящих, но несоизмеримых момента эпилепсии: высшая гармония, минута тишины, и высшая дисгармония – ревущие корчи [Белый 2024; курсив в цитате мой].*

Несмотря на такие противоречия Федор Достоевский до сегодняшнего дня остается самым популярным русским писателем в Европе и Америке. Исследованию его текстов посвящены сотни современных публикаций, представляющие творчество этого автора в разнообразных ракурсах [Аполлонио 2020; Бэгби 2020; Малкольм 2022; Миллер 2022; Орвин 2022; Тепперман, Альбанезе, Старк, Залан 2022; Континио 2023]. Совершенно другую ситуацию мы наблюдаем в Украине, где контекст русско-украинской войны обусловил резкую критику имперской идеологии Достоевского со стороны украинских интеллектуалов, объясняемой не только военным, но и культурным противостоянием Украины и России. Важно помнить, что резкая критика Достоевского со стороны украинских литераторов и мыслителей появилась уже при жизни писателя и активизировалась в период между двумя мировыми войнами. Этот тематический ракурс обсуждаемой проблемы и станет предметом дальнейших размышлений в моей статье.

Первое по времени «столкновение» Федора Достоевского с украинской культурой и первый конфликт в этом плане произошел в конце декабря 1859 года в Петербурге, сразу же после возвращения русского писателя с каторги. По свидетельству современников приезд Достоевского остался почти незамеченным интеллигентными кругами северной столицы, что воспринималось тогда на фоне возвращения из ссылки украинского классика Тараса Шевченко в марте 1958 года, которое было воспринято как событие общественного значения, о нем много говорили, писали и долго вспоминали. Екатерина Штакеншнейдер (1836–1897), участница многих литературных салонов того времени, в своих дневниковых записях так вспоминает это сравнение не в пользу Достоевского:

Странная вещь, возвращение с каторги и из ссылки Достоевского произошло совершенно незаметно в Петербурге. С Шевченко носились гораздо больше, чем с ним. Как, например, приняли Шевченко, когда выступил он в первый раз перед публикой в зале Пассажа и как принимали Достоевского? Шевченко чуть в обморок не упал от оваций, а Достоевскому еле хлопали [цит. по: Чехихин-Вертинский 1923, 153]².

Второй, важный для нашего контекста эпизод встречи Достоевского с проблемой украинской культуры засвидетельствован в дневниках

² Интересен другой вариант этих воспоминаний, размещенный на сайте, посвященном Ф. Достоевскому: «И вспомнилось мне, как лет двадцать тому назад, когда впервые возникли литературные вечера в Пассаже и читали на них Достоевский и Шевченко, только что получившие право жить в Петербурге, как принимала их публика... Шевченку осыпали, оглушали рукоплесканиями и самыми восторженными овациями, однажды довели его ими до обморока. Достоевскому же не выпадало на долю ничего! Его едва замечали и хлопали зауядно, как всем, меньше, чем всем. Как это объяснить и согласить с тем, что происходит ныне, и правы ли те, которые его успех и его все возрастающую популярность хотят приписать каторге? Достоевский был в каторге четыре года и двенадцать лет в Сибири, Шевченко не был ни на каторге, ни в Сибири, он был в солдатах. Я себе все это объясняю, но желала бы знать, как объясняют и другие, если помнят, что происходило двадцать лет тому назад. Я думаю, что у Шевченки была тогда своя партия в университете, с Костомаровым во главе, среди студентов. Сепаратистические идеи были тогда в большом ходу, а идея самостоятельности Малороссии в особенности; ведь и Чубинский, горячий поборник ее, был тогда в Петербурге, и малороссийский журнал «Основа» издавался..., малороссы выносили, вероятно, Шевченку, а у Достоевского партии не было. Публика же мало знала и мало помнила и об одном и о другом» [Штакеншнейдер 2024].

Христины Алчевской (1843–1918), известной деятельницы народного образования, основательницы воскресных и частных женских школ в Харькове (Алчевская была инициатором и одной из составительниц известной книги *Что читать народу?*). В 1876 году между Х. Алчевской и Ф. Достоевским завязалась переписка, они встречались, и вот как вспоминает Алчевская одну из таких встреч (курсив в цитатах мой):

25 мая 1876. Вторник. Петербург.

Сегодня я позволила себе быть у Достоевского. Решительно убеждаюсь, что *я для него не человек, а материал*. Он все время заставлял меня говорить, поощряя беспрестанно замечаниями: «Ах, как вы хорошо, образно рассказываете! Просто слушал бы, слушал без конца!» или: «Трудно решить, что вы лучше – пишете или говорите? И пишете прекрасно, и говорите прекрасно!». Нетерпимость в споре еще более выказалась у Достоевского, когда речь как-то нечаянно коснулась национальностей: он находит, что *серб, малоросс и т. д., сочувствующий родному языку, родной литературе, положительно злобредный член общества, он тормозит работу всеобщего просвещения, всеобщей великорусской литературы, в которых все спасение, вся надежда*. Он тормозит ход цивилизации, созданной одним великорусским народом, сумевшим создать величайшее из государств. *Один великоросс великодушно и честно смотрит на все национальности, без всякой злобы и преднамеренности*, тогда как малоросс, например, вечно держит камень за пазухой и не может отнестись к великороссу иначе, как с враждой. «Вы говорите, что в Малороссии существует независимость личности, что взрослый женатый сын выбирается на хозяйство, что на женщину не смотрят, как на скотину, что часто она орудует в доме, что семья живет особняком. Что ж тут хорошего: женится сын, обособляется и тотчас делается врагом. Хозяйство делится по клочкам, интересы идут врозь, – вот вам и начало нищенства. Между тем как великорусская семья представляет собою общинное начало...». Разумеется, я ничего этого не предлагала и потому горячо спорила; он же, с своей стороны, дошел до такой крайности: «Я знаю, мы все куда как сочувствуем чужим национальностям. Недавно Пашков, этот известный проповедник, принял к себе в дом, отделил помещение и окружил всеми удобствами – кого бы вы думали? – двух полек, выпущенных из крепости. Черт знает что такое – мало ли русских вешается с голоду, а он – полек!». *Я видела, что Достоевский дошел до такого раздражения, что спорить с ним больше невозможно, и замолчала...* [Алчевская 1912, 79–80; курсив в цитате мой].

Ета просторна цитата не нуждается в комментариях. Конечно, поведение и высказывания Достоевского, которые попали в дневник Алчевской были широко известны в среде украинской интеллигенции, к тому же ее дневник был напечатан в 1912 году.

Третий, самый яркий пример, на котором я хочу остановиться, это статья Ивана Франко *Искренность тона и искренность убеждений* 1905 года, в которой представлена полемика украинского писателя с Марианом Глушкевичем, известным адвокатом и львовским москвофилом (кстати, когда русские войска отступали из Галиции в 1915 году, он вместе с ними поехал в Россию, и вернулся в Галицию лишь после 1917 года). Франко очень много писал о русской литературе, следил за ее развитием и публикациями русских авторов, много переводил с русского, полемизировал, откликался на исследования, посвященные русской классической литературе (так, в 1905 году он в своей рецензии хвалил *Историю русской литературы* А. Брикнера [Франко 1905b]). В упомянутой статье Иван Франко выступает против единой русской классики, против *единой* «идеи русского народа», подчеркивая, что Л. Толстого, например, никто не преследовал и не травил так, как А. Герцена и Н. Чернышевского. Известный украинский писатель специально останавливается на противоречиях в творчестве Толстого и Достоевского, подчеркивая, что Достоевский это «гениальный знаток человеческой души» в сущности был «*крайним реакционером*», «издателем мракобесных журналов» и «*довольно тупым шовинистом*» (орфография оригинала, курсив в цитатах мой):

Достоевський у політичних питаннях був іноді *крайнім реакціонером* і видавцем дуже обскурних часописей, що він, *геніальний знавець людської душі і її патологічних збочень*, розвивав при тім у своїх писаннях погляди, які такий Євросеець, як Тургенєв, називав «*потоками гнилої води*», що в питаннях національних Достоевський був *досить тупий шовініст*... *Геніальний Толстой* брався колись реформувати людську школу з такою програмою, щоб усунути з неї всі елементи новочасної освіти, а обмежитися на самім читанню, писанню, чотирьох арифметичних діланнях та церковщині... той *московський Месія* зі своєю проповіддю «*непротилежності злу*» являється могутнім союзником російського деспотизму, хоч і як гостро іноді критикує його поодинокі ділання... той «експонент самобитної рускої ідеї» в очах освічених репрезентантів західно-європейської культури часто являється *тупим ігнорантом*, що

береться філософувати не засвоївши собі ніяких основ філософічного мислення і що його «антітеза до західно-європейського матеріалізму» являється нічим іншим, як *кепсько перевареним первісним християнством*, змішаним з темним аскетизмом часів упадку старинного світу, отже культурним пережитком, який освічена людськість давно пережила і відкинула [Франко 1905а, 107–108].

Намного сложнее выглядит украинская рецепция русской классики в период между двумя мировыми войнами. Сегодня, как никогда становится очевидным, насколько эта проблема имеет не только собственно литературоведческие измерения, но и политические, идеологические, в конечном итоге – исторические. Конец XIX века – это время возникновения и утверждения украинского национализма во всех его модификациях, а также время активного становления современной украинской литературы. И хотя об украинско-русских литературных отношениях в это время написаны сотни статей и десятки книг, вопрос до сегодняшнего дня остается неизученным и достаточно сложным. Тот факт, что украинская литература и украинская интеллигенция в начале XX века и особенно после 1917 года как бы отворачивается от русской классики, сегодня хорошо известен благодаря дискуссии вокруг текстов Миколы Хвильового: речь идет прежде всего о его статье 1926 года *Украина или Малороссия*. Магистральной идеей украинского писателя был лозунг *Прочь от Москвы!*: украинская литература должна ориентироваться на Европу и на достижения европейской, а не русской культуры.

Примечательно, что из всех русских классиков самым уязвимым в контексте украинской критики и деконструкции того времени оказался именно Ф. Достоевский и тот комплекс идей, который обозначало понятие *достоевщины*. Интересно также отметить, что это понятие в украинском контексте функционирует в двух разных смыслах. Достоевщина является одновременно символом России (вся Россия – это достоевщина, с ее законами, страстями и преступлениями), и достоевщина – это манера писателя, стиль письма, направленного на изображение страданий, мучений, преступлений, переживаний, вечных споров о смысле жизни. В этом втором значении к понятию достоевщины, например, часто обращались Иван Нечуй-Левицкий для характеристики творчества Владимира Винниченко, или же такой известный историк и теоретик литературы как Сергей Ефремов [Ефремов 2002, 428].

Что касается первого значения понятия, то оно тоже часто функционирует в украинском дискурсе того времени, самый известный пример – это стихотворение 1925 года Павла Тычины, посвященное Рабиндранату Тагору, с заглавием *До кого говоритъ?* (то есть – к кому обратиться?, курсив в цитате мой):

До кого говоритъ?

До кого говорить?
Блок у могилі. Горький мовчить.

Рабіндранате-голубе!
З далекої Бенгалії
прилинь до мене на Вкраїну,
Я задихаюся, я гину.

Я покажу такії речі
в однокласовій ворожнечі,

Я покажу всю фальш, всю цвіль
партійно-борчих породіль.
А братні зуби? Дружній зиск?
Гнучка політика, як віск.

Коли б були це генерали,
ми б знали, що робить.
А в тім то й річ, що це кати
однокласовії...

Рабіндранате-голубе,
та де ж той серп нам, молот і лани?
Рабіндранате-голубе,
од достоевщини звільни!

До кого говорить?
Блок у могилі. Горький мовчить

[Тичина 1990, 358].

Это стихотворение, конечно же, интересно во многих отношениях: и как презентация большевистского режима (гнилого, ложного и партийного), и как ориентация на Восток ради спасения души, и как обвинение Максима Горького в молчании по поводу того, что происходило

в 20–30-е годы (факт общеизвестный), наконец, как преклонение перед умершим Александром Блоком. Но сейчас важно для нас понятие достоевщины, которое в цитируемом тексте обозначает именно большевистскую власть, *бесовство* по Ф. Достоевскому. На это стихотворение я хочу обратить особое внимание, потому что в современных дискуссиях украинские интеллектуалы практически всегда, когда обращаются к этому тексту, говорят о том, что здесь речь идет о Достоевском, что Тычина проповедует отказ украинской литературы от его творчества, что здесь пред нами критика Достоевского как писателя. Но из текста стихотворения совершенно понятно, что речь идет не о Достоевском, а о явлении достоевщины: иначе поэт бы написал «од Достоевського звільни» вместо «од достоевщини звільни» – не нарушая ни ритма, ни рифмы. Русский писатель только изобразил, артикулировал суть явления, обозначенного позже его же именем – достоевщина. Кстати, в контексте последствий переворота 1917 года и прихода к власти большевиков, понятно, что именно Федор Достоевский намного больше, нежели Лев Толстой, оказался тем «зеркалом русской революции», о котором писал В. Ленин в статье 1908 года *Лев Толстой, как зеркало русской революции*. Прежде всего речь идет о *Бесах*, обличавших идеологию большевиков, отсюда и боязнь большевиков и запреты на публикацию этого романа, а также резкая критика Максимом Горьким театральных постановок *Бесов*, предпринятых в 1913 году В. Немировичем-Данченко.

В 1931 году, а это был юбилейный для Достоевского (1821–1881) год, в самом важном украинском журнале Галиции – «Літературно-науковий вісник» была напечатана статья о русском писателе. Автором текста был главный редактор журнала – идеолог интегрального украинского национализма Дмитро Донцов. Статья называлась просто *Федор Достоевский* и была построена на нескольких основных тезисах. Во-первых, Донцов в самом начале текста пишет о парадоксе, который до сегодняшнего дня является одной из самых важных характеристик в мировоззрении Достоевского: «ни один россиянин не горел такой сатанинской ненавистью к Европе, как Достоевский» и в то же время, продолжает Донцов, «ни один россиянин не пользуется в Европе таким почетом (особенно сейчас), как Достоевский» [Донцов 1931, 526]. В этом факте автор текста видит прежде всего упадок/закат самой Европы.

Для Донцова Достоевский – это «неистовый гений», который интригует и искушает трагизмом поставленных проблем, глубиной и «кажущимся радикализмом». Хотя каторга в судьбе писателя придает его сочинениям ауру истинности и искренности, тем не менее все его герои – это «широта русской души без компаса», это «сугубо русская патология», которую русский писатель изображает с «истинно садистским наслаждением» (здесь для характеристики Достоевского Донцов цитирует слова Ф. Ницше – воля к болезни / «Wille zur Krankheit»). Именно поэтому произведения писателя вызывают в сознании читателей ощущение собственного ничтожества, желание покориться, унижить себя и терпеть. Терпение становится у Достоевского самоцелью, что абсолютно неприемлемо в идеологии Донцова, всегда призывавшего к протесту, активному действию и сопротивлению властям. Федор Достоевский не понимал значения и ценности поступка как такового, поэтому он не мог понять и ценности протеста как экзистенциального акта, во многом определяющего жизнь человека. В мировоззрении русского писателя Запад должен «стать русским» и тем самым спасти себя. Но украинский мыслитель убежден, что став русским, Запад потеряет в русском болоте все свои благородные идеалы: культ свободы личности, «стремление вверх», этику труда. Для подтверждения этих мыслей приведу две характерные цитаты из статьи Донцова (орфография оригинала, курсив в цитатах мой):

І що найцікавіше: ці *терпіння не будять в нас протесту проти світу зла*, навпаки – цей світ залишається неторканим, а *будять свідомість власної нікчемності одиниці*, потребу – скоритися, понизитися і терпінням заслужити прощення, терпіння як самоціль; бо потреба слабодухів є – ревіти привселюдно, обнажаючи свої рани, потреба безсилим – самотою доступним їм засобом поправити свою долю, стягнувши на себе милосердя сильних, не пориватися з мотикою на сонце, не бунтувати, бо для калік бунт є гріх [Донцов 1931, 529–530];

Росія скаже зненавидженому Заходові своє «нове слово». *Захід має стати російським, так проповідує Достоевський...* Величезна брила, безоблична, нищучи на своїм шляху всяку форму, пре на Захід, грозючи роздавати його, стягнути в болото його найшляхетніші вартості й ідеали, як культ особистої гідності, етику обов'язку і праці, гарт «нерозм'ягченої» душі, жадобу боротьби і порив вгору, до здорових, не в діл до хорих; хоче

та брила затомизувати Захід і в хаос обернути, бо інакше не випередить його жадна російська «тройка», жадна євразійсько-большевицька «пятилітка», ані навіть столітка... [Донцов 1931, 533].

Совершенно отдельную страницу осмысления и интерпретации русской классической литературы представляет творчество известного украинского поэта и публициста историософского толка Евгена Маланюка [см.: Mnich 2002]. Он больше других украинских интеллектуалов писал о русской литературе, и не только о классике, но и о современных ему авторах. Когда в 1966 году в Нью-Йорке издавались два тома прозы Е. Маланюка, то в первом томе был специальный большой раздел «Rossica» [Маланюк 1966, 343–458], посвященный русской литературе. Анализируя тексты Маланюка, мы можем даже сказать, что он предложил свою концепцию истории русской литературы и ее идейно-тематической парадигмы. Эта концепция состоит из нескольких магистральных идей, среди которых я назову только самые важные: 1) проблема участия украинцев в создании русской литературы: «местью» называет Маланюк творчество Н. Гоголя и Ф. Достоевского (обоих считает малороссами, изменниками украинской нации); 2) идея неорганичности русской культуры, которую украинский автор считает эклектическим соединением разных элементов, стилей, народов, и поэтому явлением не органическим, а механическим; современный русский язык – это, по словам Маланюка, искусственный язык, «имперско-русское эсперанто», которое создал Александр Пушкин; 3) своеобразное представление современной Маланюку поэзии: чрезвычайно высокая оценка творчества Александра Блока («последнего классика русской поэзии») и Николая Гумилева, хотя их обоих Маланюк называет чужими в русской литературе; высоко ценит украинский поэт и творчество Вячеслава Иванова, которое называет «орхидейным» (от названия экзотического цветка), большим и символическим явлением называет также и Сергея Есенина – его поэзия это «первый шаг „самоопределения” московской нации на Востоке Европы», наконец, Маланюк подчеркивает искусственность творчества Бориса Пастернака: «нельзя думать о политической экономии и одновременно служить литургии» [Маланюк 1966, 362]; 4) идея конца русской литературы, ее, как известно, провозгласил Василий Розанов, и украинский поэт

цитирует русского философа, называя его Смердяковым русской литературы, но представляет уже свои аргументы вырождение русской литературы после 1917 года; 5) наконец, Маланюк говорит о пограничном месте Антона Чехова, который понимал всю бессмысленность существования России и на котором заканчивается героический период русской литературы:

Це був один з найбільших російських європейців, що іронічним зором нещадно протягнувши російське життя, – гоголівським гірким сміхом посміявся вдруге, і, виставивши його на загальне глузування, – прокляв. Можливо навіть, разом з собою. Звідтіля особиста трагедія Чехова: він знав і не міг. Він знав усю брехню, всю нісенітницю, все безглуздя існування Росії – механічної суміші племен і народів за в'язничими мурами імперії, але будучи сам, сказати б «общеросом» і на останній глибині своїй – тим же російським інтелігентом, він не міг голосно про це сказати [Маланюк 1966, 344–345].

Что касается творчества Достоевского, то Маланюк пишет специальную статью под названием «Толстоевский», где рассказывает анекдот о немце, ищущем в книжном магазине книги несуществующего Тостоевского, а дальше критикует мировоззрение и Толстого, и Достоевского. Интересно также, что при критике Достоевского (частично похожей на идеи Д. Донцова) украинский автор специально выделяет роман *Бесы* как самое важное произведение, необходимое каждому, кто хочет понять, что происходит в Советской России после 1917 года. Дальше, для общей характеристики ментальности русских писателей, украинский мыслитель приводит две хрестоматийные цитаты из *Медного всадника* А. Пушкина и *Двенадцати* А. Блока (курсив в цитатах мой):

- 1) Отсель грозит мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу
- 2) Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем.

Эти поэтические и заодно и идейные формулы зла и горя для соседа, для другого (и не обязательно буржуя) для Маланюка являются очень важным показателем, неким лакмусом для диагноза сути русской ментальности: в России изменения происходят не ради собственного

блага, но ради горя, зла и беды других народов – соседей. Украинский автор считает, что Россия никогда не была занята созиданием собственного государственного дома, но постоянно думала о том, что плохого сделать другим.

В русле сказанного нужно также отметить, что украинские интеллектуалы не только сами писали о русских классиках, но и внимательно следили за тем, что пишут о русской литературе европейские мыслители. Поэтому в украинских периодических изданиях (особенно эмигрантских) часто появлялись рецензии на западноевропейские издания или же рефераты публикаций европейских авторов, которые касались оценки русской классики и творчества Достоевского в том числе. Так, в 1920 году в выходившем в Вене украинском журнале «Воля» появилась обширная информация о посвященной Достоевскому публикации Эмиля Люки (1877–1941) – известного на то время австрийского писателя и публициста. Для украинских издателей «Воли» чрезвычайно важными были идеи австрийского автора о том, что мир Достоевского – это полностью враждебный Европе мир, как и враждебна фанатическая вера русского писателя в восточный хаос и монгольское насилие над Европой, его ненависть к европейской культуре [*Про большевизм* 1920, 46]. Люка специально занимался Достоевским, написал о нем исследование, в котором подчеркивал неприятие европейской культуры русским писателем и создание им такого художественного мира, в котором царствует враждебный Европе русский Бог, а большевики после 1917 года только развивали и укрепляли идеи писателя [Lucka 1924, passim].

Творчество Достоевского было и остается парадоксальным во многих отношениях. Как было сказано выше, критическое отношение к его наследию в Европе и Америке не мешает огромной популярности этого писателя среди исследователей и рядовых читателей, а даже наоборот – провоцирует всевозможные новые интерпретации и идеологические деконструкции. Очевидно, что без знания текстов Достоевского трудно судить о том, чем была Россия в XIX веке, чем она стала для Запада после большевистской диктатуры [см. в этом плане Natorp 1923] и чем является сегодня. Отмечу специально, что в нынешней ситуации Достоевский со своими проповедями христианского добра, слезинки ребенка, соединенных с шовинистическим дискурсом и антисемитизмом,

парадигматически напоминает другого парадоксального мыслителя – немецкого философа Мартина Хайдеггера, который будучи антисемитом и поддерживая режим Гитлера, тоже проповедовал вечные истины и призывы к совести.

В наше время мы можем только предварительно говорить о том, как меняется и как будет меняться восприятие русской классической литературы в ближайшем будущем, не говоря уже о перспективах русско-украинских литературных и культурных отношений. Что касается конкретно творчества Федора Достоевского, то представленный мною материал ярко свидетельствует о том, что деконструкция текстов и идеологии этого писателя началась в среде украинских интеллектуалов задолго до эпохи постколониальных исследований, еще при жизни русского автора. В то время, как в контексте современных постколониальных исследований мы понимаем, что любая деконструкция классики всегда сталкивается с проблемой культурной памяти о прошлом, поэтому она как бы становится деконструкцией прошлого (в этом смысле, конечно, вряд ли можно деконструировать влияние Достоевского на западную культуру, на творчество Германа Гессе, Марселя Пруста, Уильяма Фолкнера, Эрнеста Хемингуэя или Томаса Манна). А отношение самих россиян к такой постановке вопроса далеко не однозначное, потому что, как известно, ничто так часто не менялось, не меняется и не является таким неподвижным в России, как ее прошлое.

Литература

- Alčevskaâ H., 1912, *Peredumannoe i perežitoe. Dnevnik, pis'ma, vospominaniâ*, Moskva. [Алчевская Х., 1912, *Передуманное и пережитое. Дневники, письма, воспоминания*. Москва.]
- Apollonio K., 2020, *Sekrety Dostoevskogo: čtenie protiv tečeniâ*, perevod E. Cypina, Sankt-Peterburg. [Аполлоний К., 2020, *Секреты Достоевского: чтение против течения*, перевод Е. Цыпина, Санкт-Петербург.]
- Bakuła B., 2020, *Rosyjska dyskusja postkolonialna w latach 2000–2018*, „Miscellanea Posttotalitaria Wratislaviensia”, nr 8, s. 235–265.
- Bëgbi L., 2020, *Pervye slova: o predisloviâh Dostoevskogo*, perevod E. Cypina, Sankt-Peterburg. [Бэгби Л., 2020, *Первые слова: о предисловиях Достоевского*, перевод Е. Цыпина, Санкт-Петербург.]

- Belov S., 2006, *Dostoevskij Fedor Mihajlovič*, [v:] *Literaturnââ ênciklopediâ Russkogo Zarubežâ 1918–1940. Vsemirnaâ literatura i russkoe zarubeže*, Moskva, s. 154–162. [Белов С., 2006, *Достоевский Федор Михайлович*, [в:] *Литературная энциклопедия Русского Зарубежья 1918–1940. Всемирная литература и русское зарубежье*, Москва, с. 154–162.]
- Belyj A., 1911, *Tragediâ tvorčestva. Dostoevskij i Tolstoj*, Moskva. [Белый А., 1911, *Трагедия творчества. Достоевский и Толстой*, Москва.], <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/kritika-o-tolstom/belyj-tragediya-tvorchestva-dostoevskij-i-tolstoj.htm> [25.10.2024].
- Češihin-Vetrinskij V., 1923, *Fedor Mihajlovič Dostoevskij v vospominaniâh sovremennikov i v ego pis'mah*, Čast' pervââ, Moskva. [Чешихин-Ветринский В., 1923, *Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях современников и в его письмах*, Часть первая, Москва.]
- Doncov D., 1931, *Fedir Dostoêvskij [30.X.1821–28.I.1881]*, „Literaturno-naukovij vîstnik“, r. XXX, kn. VI, t. CVI za červen', s. 526–533. [Донцов Д., 1931, *Федір Достоевський [30.X.1821 – 28.I.1881]*, «Літературно-науковий вістник», р. XXX, кн. VI, т. CVI за червень, с. 526–533.]
- Êfremov S., 2002, *Statti, naukovî rozvidki, monografii*, Kiïv. [Єфремов С., 2002, *Статті, наукові розвідки, монографії*, Київ.]
- Êrštejn M., 2023, *Russkij antimir: Politika na grani apokalipsisa*, New York. [Эшштейн М., 2023, *Русский антимир: Политика на грани апокалипсиса*, New York.]
- Fast P., 2023, *Czy potrzebna jest nowa historia literatury rosyjskiej XX wieku?*, „Przegląd Wschodniosłowiański“, t. 14, nr 2, s. 337–348.
- Franko Ĭ., 1905a, *Širist' tonu i širist' perekonan'*, „Literaturno-naukovij vîstnik“, t. 30, č. II, s. 101–112. [Франко І., 1905, *Щирість тону і щирість переконань*, «Літературно-науковий вістник», т. 30, ч. II, с. 101–112.]
- Franko Ĭ., 1905b, *Nova istoriâ rosijskoï literaturi*, „Literaturno-naukovij vîstnik“, r. VIII. t. XXXII, kn. XI (za padolist), s. 155–159. [Франко І., 1905, *Нова історія російської літератури*, «Літературно-науковий вістник», р. VIII, т. XXXII, кн. XI (за падолист), с. 155–159.]
- Kontino P., 2023, *Inkarnacionnyj realizm Dostoevskogo. V poiskah Hrista v Karamazovyh*. perevod I. Burovoj, Sankt-Peterburg. [Континьо П., 2023, *Инкарнационный реализм Достоевского. В поисках Христа в Карамазовых*, перевод И. Буровой, Санкт-Петербург.]
- Kurkov A., 2024, *Rosijskî klasiki âk spîvavtori kul'tu sokiri ta bezkarnosti: velike interv`u*. [Курков А., 2024, *Російські класики як співавтори культу сокири та безкарності: велике інтерв'ю*.], <https://uatv.ua/uk/rosijski->

- klasyky-yak-spivavtory-kultu-sokyry-ta-bezkarnosti-velyke-interv-yu-z-pysmennykom-kurkovym [25.10.2024].
- Landau G., 1932, *Tezisy protiv Dostoevskogo*, „Čisla”, No 6, Pariž, s. 145–163. [Ландау Г., 1932, *Тезисы против Достоевского*, «Числа», № 6, Париж, с. 145–163.]
- Lucka E., 1924, *Dostojewski*, Stuttgart und Berlin.
- Malanúk E., 1962, *Kniga sposterežen'*, Proza, Toronto. [Маланюк Е., 1962, *Книга спостережень*, Проза, Торонто.]
- Malkol'm Dž., 2022, *Dostoevskij i dinamika religioznogo opyta*, perevod T. Groševoj, Sankt-Peterburg. [Малкольм Дж., 2022, *Достоевский и динамика религиозного опыта*, перевод Т. Грошевой, Санкт-Петербург.]
- Matusiak A., 2013, *Między pamięcią a zapomnieniem. Postkomunistyczna trauma społeczno-kulturowa w krajach Europy Środkowej, Wschodniej i Południowo-Wschodniej po roku 1989. Kwerenda problemu*, „Miscellanea Posttotalitariana Wratislaviensia”, nr 1, s. 9–26.
- Miller R.F., 2022, *Neokončennoe putešestvie Dostoevskogo*, perevod A. Stepanova, Sankt-Peterburg. [Миллер Р.Ф., 2022, *Неоконченное путешествие Достоевского*, перевод А. Степанова, Санкт-Петербург.]
- Mnich R., 2002, „*Sacrum rosyjskie*” w ujęciu emigrantów ukraińskich (o koncepcji *Jewhena Małaniuka*), [w:] *Duchowość i sacrum w literaturze emigracyjnej Słowian Wschodnich*, red. A. Woźniak, M. Kawecka, Lublin, s. 229–237.
- Natorp P., 1923, *Fjedor Dostojewskis Bedeutung für die gegenwärtige Kulturkrisis*, Jena.
- Orvin D., 2022, *Sledstviâ samoosoznaniâ. Turgenev, Dostoevskij, Tolstoj*, perevod A. Grodeckoj, Sankt-Peterburg. [Орвин Д., 2022, *Следствия самоосознания. Тургенев, Достоевский, Толстой*, перевод А. Гродецкой, Санкт-Петербург.]
- Pro bil'shevizm âk proâv rosijskoï kul'turi*, 1920, „Volâ”. t. IV (žovten'), čislo 1, s. 46–48. [Про більшевизм як прояв російської культури, 1920, «Воля», т. IV (жовтень), число 1, с. 46–48.]
- Štakensnejder E., 2024, *Izdnevnik i zapisok*. [Штакеншнейдер Е., 2024, *Из дневника и записок*.], <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/memory/v-vospominaniyah-sovremennikov/shtakenshnejder-iz-dnevnik-i-zapisok.htm> [25.10.2024].
- Tepperman L., Al'baneze P., Stark S., Zalan N., 2022, *Ėffekt Dostoevskogo. Detstvo i igrovaâ zavisimost'*, perevod M. Bykovej, Sankt-Peterburg. [Тепперман Л., Альбанезе П., Старк С., Залан Н., 2022, *Эффект Достоевского. Детство и игровая зависимость*, перевод М. Быковой, Санкт-Петербург.]

- Tičina P., 1990, *Sonâčni klarneti*, Kiiŭ. [Тичина П., 1990, *Сонячні кларнети*, Київ].
- Tompson E., 2000, *Trubadurzy imperium. Literatura rosyjska i kolonializm*, przeł. Anna Sierszulska, Kraków.
- Weststeijn W.G., 2023, *Review Article: New Russian Literary History*, «Russian Literature», vol. 142, p. 161–187.

FYODOR DOSTOEVSKY AND THE DECONSTRUCTION OF THE RUSSIAN CLASSICS IN THE UKRAINIAN CONTEXT

ABSTRACT

Keywords: Fyodor Dostoevsky, deconstruction, Russian classics, Ukrainian literary criticism, Ukrainian Emigration

The article focuses on issues of the deconstruction of the Russian classics, a subject that has become increasingly prominent in the contemporary discourse and academic research, particularly in the context of the Russo-Ukrainian war. To illustrate this point, the article presents the history of the deconstruction of the work of Fyodor Dostoevsky (1821–1881) among Ukrainian intellectuals and writers. This deconstruction, that is, a critical understanding of the ideology proposed by the Russian writer, began during his lifetime, as evidenced by the memoirs of Khrystyna Alchevska. The ideology of F. Dostoevsky, his negative attitude towards the values of the European culture and his chauvinism were the subject of criticism by the prominent 19th and early 20th-century Ukrainian intellectuals, including Ivan Franko, and especially Ukrainian émigrés such as Evhen Malanyuk and Dmytro Dontsov. The article also analyses the concept of “Dostoevshchina” and emphasises that not only Ukrainian but also Russian authors criticised F. Dostoevsky and his paradoxical worldview, which combines prophecies about the terror and totalitarianism of the Bolsheviks (the novel *Demons*), with the Christian values, but also the hatred of the Western culture and criticism of the Western society.